ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1988

ДАШКЕВИЧ Я. Р.

CODEX CUMANICUS — ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ CUMANICUS?

Название «язык СС» [1] занимает особое место в тюркском языкознании. Употребление лингвонима, в котором место этнонима занимает название сочинения, стало привычным, хотя является странным. Оно призвано подчеркнуть важность памятника для истории тюркских языков. С другой стороны, нельзя не заметить, что за термином «язык СС» скрывается ряд проблем, например, затруднения языковедов связать СС с соответствующим этносом, чтобы построить отэтнонимическое название языка. Кажется, нет ничего сложного в переходе от условного определения «язык СС» к точному «язык куманский» — но переход этот делают немногие. В литературе утвердилось условное «язык СС», по-видимому, позволяющее обойти многие вопросы, на которые нелегко ответить. За частными вопросами кроется комплекс проблем — этнолингвистических, этнонимических, классификационных, лингвогенетических — на которых мы сосредоточимся.

Когда говорят «язык СС» , определенно имеют в виду тюркский язык, хотя он не единственный восточный в кодексе (второй — иранский, для которого только в последнее время начинают употреблять сокращение ССР = персидский язык СС). В СС имеются записи на латинском и немецком. Они почти не исследованы. Это отрицательно сказывается на изучении истории памятника, его фонетическом декодировании [1]. Иранский не занял надлежащего места в истории новоиранских языков (несмотря на уникальность записей XIV в. латинским алфавитом). Так и остается: «язык СС» — всегда и определенно тюркский.

Мы имели возможность отметить искусственность названия СС, вошедшего в обиход в 1880 г. благодаря патриотическим побуждениям потомка куманов Г. Кууна [2, с. 72]. Термин оказался удобным, вошел в научную практику и... «прикрыл» вопросы, на которые, в других случаях, лингвисты пытаются отвечать. Название сыграло не только фетишизирующую роль (почти всегда подразумевалось, что это язык куманов = половцев: утверждение непонятное, если учитывать время изготовления CCI — 1330 г. [3]), но и отбросило лингвистику к воззрениям историков более чем столетней давности.

Название СС не соответствует самоназванию языка. Он обозначен в CCII как *tatar til, tatarče* «татарский язык, по-татарски», на что обращают внимание немногие [4, с. 47]. Команским называл этот язык составитель CCI. Названия татарский и команский (обычно рассматриваемый как соответствующий половецкому, кыпчакскому, хотя семантически эти понятия не тождественны) не идентичны — противоречие, которое можно разрешить, лишь учитывая историю команского и татарского народов в XIII—XIV вв.

[1] В статье приняты сокращения: СС — Codex Cumanicus, CCI — первая («итальянская») часть СС, CCII — вторая («немецкая») часть СС.

Судьба половцев в середине XIII в. сложилась печально. Разгромленные монголо-татарами на Северном Кавказе в 1222 г., в Поволжье в 1229 г., в Приазовье и Крыму в 1237 г., в значительной степени физически истреблены (чего стоит описание Г. де Рубрука: «А когда пришли татары, команы, которые все бежали к берегу моря, вошли в эту землю [Крым] в таком огромном количестве, что они пожирали друг друга взаимно, живые мертвых» [5, с. 90]), они мигрировали на Юг (в Закавказье, где были также разбиты), на Запад (в Подунавье, потом в Венгрию), на Юго-Запад (Балканы) (ср. [6]). Трудно определить, чем вызвана ненависть монголов к половцам. Даже в тех случаях, когда половцы, как в 1222 г., переходили на сторону монголов, их уничтожали (свидетельство Рашид ад-Дина [7, с. 229]). Это было повторение борьбы за степи: в свое время половцы изгоняли печенегов, сейчас подобная участь постигла половцев. Степи обрели новых хозяев — из Азии хлынула волна кочевников-тюрок с незначительной монгольской верхушкой. Небольшие группы половцев возвращались ко второй половине XIII в. на Восток, но их племенная организация не возродилась. Их продавали в рабство на Запад и в Египет. Акты нотариата Кафы 1289—1290 гг. свидетельствуют, что команы — это продаваемые рабы, а татары — это горожане, купцы ([8, № 27, 28, 158, 230, 446 и др.] — татары, [8, № 296, 306] — команы). О татарах-купцах, у которых венецианцы в 1268 г. покупали зерно, сообщает хронист М. да Каналь [9]. Половцы были в основном кочевниками. В Южном Крыму половцы составляли небольшую часть городского населения, а если источники называли города кыпчакскими (например, Судак — см. Ибн-ал-Асир, 1222/1223 гг. [10, т. 1, с. 26]), имелась в виду их политическая зависимость от половцев. В середине XIII в. перемены носили динамический и радикальный характер. «Половцы погибли»,— констатировал хронист А. Ванини (Гваннин) в 1578 г. [11].

В исторической науке велась дискуссия вокруг вопроса о континуитете и дисконтинуитете, т. е. сохранились ли половцы в Причерноморье после нашествия или нет. Полемика осложнялась тем, что некоторые исследователи смешивали две проблемы: историю половцев и историю этнонима половцы = команы = кыпчаки. На сегодня ясно, что этноним пережил половцев, превратившись в топоним, наполненный новым содержанием. Еще в 70-х годах XIX в. сформировались две точки зрения. Р. Рёзлер (1871 г.): «С куманами, наконец, случилось то, что со всеми разбитыми на осколки племенами угро-финского и тюркского происхождения... В ненасытном грабительском и военном стремлении они исчерпали свои силы — их победил враг, нагрянувший на них сосредоточенной силой. От их существования не осталось следа, как не остается его от травы в степи, которая всходит весной, а за несколько недель засыхает» [12]. О. Бляу (1876 г.): «Тюркское, обычно ошибочно называемое татарским, население северного побережья Понта и Азовского морей не погибло из-за более поздней миграции новых пришельцев из Туркестана; оно происходит от тюркских племен, которые осели здесь еще с домонгольских времен — это, в первую очередь, куманы» [13]. Мнение последнего восторжествовало в языкознании, несмотря на то, что половцев он считал потомками парфян... Скептические голоса авторитетов — И. Маркварта, доказавшего, что названия племен Причерноморья послемонгольского периода, кроме одного исключения, не имеют ничего общего с половецкими племенами (на основании Ал-Варрана, ум. 1318 г., и Шамс ад-Дина, ум. 1327 г. [14, с. 157]), поддержавшего Марквардта П. Пелью [15, с. 149],

а также С. Малова, писавшего, что в 1303 г. (принятая ранее дата написания СС) «половцев, как целого, не было по северным берегам Черного моря» [16], остались без внимания, как и выводы историков о том, что в степях «создается картина такой радикальной чистки, которая сделала кыпчаков Золотой Орды отличными по составу и географическому распределению от половцев домонгольских времен» [17, с. 42]. Показания источников без оснований подвергаются сомнению: «исторические сведения о том, что куманы (половцы) во времена монгольского нашествия массами бежали в Крым, пожалуй, несколько преувеличены. По-видимому, основная масса куманов осталась на тех местах, где они жили до монгольского нашествия» [18, с. 16]. Путаницу усугубили археологи. Они «забыли», что между археологическими культурами кочевников различного этноса — из-за аналогичного образа жизни — не может быть существенных различий. Находясь в плену давно отброшенной теории, согласно которой каждому этносу соответствует отдельная культура, археологи «не заметили» прихода новых кочевников. Провозглашается, будто бы «ясно..., что покоренные половцы остались на прежних местах — в своих кочевьях, войдя в состав Золотой Орды» ([19], см. также [20]). Неохотно признается наличие аморфного, лишенного названия «пришлого восточного этноса» [21]. В свете подобных воззрений непонятной становится цель и сущность монгольских завоеваний.

Количество половцев, оставшихся в депопуляризированном Причерноморье, вылавливаемых и продаваемых в рабство, не поддается подсчету. Они очутились на низшей ступени общественной лестницы. К 30-м годам XIV в. их остатки ассимилировались в массе новоприбывших тюрок. Если сохранялись реликты домонгольского языка, вряд ли они наложили существенный отпечаток на язык тюркского (татарского) населения подчиненных итальянцам городов Крыма. «В послемонгольскую эпоху кипчаки, как народ, больше не упоминаются»,— писал В. Бартольд [22, с. 551]. Нет фактов, позвляющих подвергнуть ревизии этот вывод.

На смену половцам пришли монголо-татары. Тюркизация монголов проходила медленно, но неуклонно, начиная со Средней Азии и Поволжья. «На этих двух огромных пространствах проживали, наряду с различными этническими осколками прежних времен, преимущественно тюркоязычные народы или народы, явно родственные тюркам (например, приволжские болгары). Их культура была близка монгольским условиям, поэтому здесь легко могло прийти к слиянию обоих народов, тем более, что вместе с монголами в Переднюю Азию и Восточную Европу влилось большое количество тюркских воинов» [23].

Одним из аргументов против кардинальной смены тюркских этносов в Причерноморье является утверждение, что этнонимы половцы, команы, кыпчаки (будто бы тождественные по содержанию) употреблялись в послемонгольском периоде. Аргумент выдвигается без учета содержания, вкладываемого в этнонимы. Их семантика должна рассматриваться в конкретно-исторических условиях. Половцы — это кочевники причерноморских степей, захватившие их в середине XI в. и обитавшие здесь вплоть до нашествия, затем устремившиеся на Запад, Юго-Запад и Юг. Язык их был, выражаясь по-современному, тюркским. Нахлынувшая с Востока новая волна тюрок близка была половцам по языку, образу жизни, происхождению, что понимали современники. «Мы и вы — один народ и из одного племени»,— говорили посланцы татар половцам в 1222 г., чтобы уговорить их к совместным действиям против алан (по Рашиду ад-Дину [7, с. 299]; но в 1237 г. Бату писал венгерскому королю, требуя

выдачи половцев, по-другому: «Рабы мои, куманы» [24]). Современники прекрасно осознавали также этнические различия и противоречия между половцами и новонахлынувшими тюрками, становившимися все более известными под общим именем татар: в 1264 г. Бела IV пытался призвать «татар» для подавления восстания половцев в Венгрии [25].

В динамически развивавшейся ситуации содержание этнонимов менялось. В представлении западных современников степи были захвачены двумя этническими стихиями: монгольской и тюркской. На тюркоязычную стихию, не располагавшую в начале нашествия общеэтническими (но сохранявшую племенные) названиями, было перенесено название куманы (кыпчаки). Для монголов употреблялись этнонимы татары и монголы. Перенесению старого этнонима куманы на новый объект способствовали не только близость языка, идентичный образ жизни, но и характерная для средневековья склонность к архаизации и анахронизации этнонимов, размытому толкованию их содержания (о путанице в византийской этнонимии см. [26, с. 13—19; 27; 28], латинской [29]), а также консерватизм, выражавшийся в том, что в научных сочинениях употреблялись названия, давно не соответствующие реалиям.

Поскольку вопрос о семантике этнонимов половцы и татары в XIII—XIV вв. связан с лингвонимами, кратко остановимся на нем.

В отношении тождественности этнонимов половцы (и западноевропейских частично калькированных *Polowce*, *Plowce*, *Plavci*, *Palocz*, *Falones*, *Pallidi*, *Phulagi*, *Valven* и др.) = куманы (команы и восточные кальки, например, арм. *xartēš*) = кыпчаки (с восточными вариантами) существуют две точки зрения (о разновидностях этнонимов см. [30]). Представитель первого направления Пельо предлагал различать команов и кыпчаков [15, с. 147], понимая под первыми домонгольских половцев и их потомков, а под вторыми — новое тюркское население. Подобное различение было бы удобно и для языковедов. Тем не менее, утвердилось мнение исследователей второго направления о тождественности трех этнонимов [31]. Взгляды разошлись также относительно содержания этнонимов до и после нашествия. Часть исследователей (например, Бартольд) считает, что этноним половцы = команы = кыпчаки в послемонгольское время потерял единственно возможное этнонимическое содержание (тюркоязычные кочевники Причерноморья сер. XI — сер. XIII вв.). Другие уверены, что идентичное содержание сохранялось в послемонгольский период, так как половцы остались на местах (Бляу и его последователи). Они перенесли этноним половцы = команы = кыпчаки на следующую волну тюрок, послемонгольского периода, фигурирующих в источниках все чаще под названием татары.

Если в западных и византийских источниках второй пол. XIII в. этноним команы часто обозначает разгромленных и мигрировавших на Запад, Юго-Запад половцев, а также тюркоязычные народы, занявшие их место (двойственное употребление характерно для Дж. дель Плано Карпини применительно к событиям 1247 г., для Рубрука — 1255 г.; другие примеры [32, 33]), то в XIV в. начинается дифференциация этнонимии. Процесс слияния монголо- и тюркофонов Западной Евразии в основном закончился. На новосозданный тюркоязычный сплав распространилось название татар. Этноним половцы и аналоги постепенно исчезают [2]

[2] Хотя известно, что географ Дж. Ботеро (ум. 1617 г.) писал, что между Днепром и Доном проживают «татары, называющие себя куманами» [34], а под гравированными в 1702 г. портретами монахов Евстратия и Никона есть надпись, что в XIV в. они

Куманы, половцы -- это не единственное анахроническое название для татар: в XIV—XVII вв. в западной литературе их часто называли скифами, подобно тому как в более ранней византийской половцев называли гуннами, скифами, персоскифами, скифоперсами, тавроскифами [26, с. 458].

Другими путями развивалась этнонимия у арабо- и персоязычных авторов, неохотно принимавших этноним татары [17, с. 43], считая его варваризмом, хотя и употреблявших его [37, с. 41, 45—46]. Арабские филологи и историки механически переносили старый этноним кыпчаки (этноним команы встречается редко [38]) на новое тюркское население и нововозникший сплав. Использование арабо- и персоязычных источников XIII—XIV вв. усилило хаос и путаницу. Этноним кыпчаки у восточных авторов постепенно теряет живое содержание, превращаясь в топоним с архаическим оттенком (на что обратили внимание Маркварт [14, с. 141, 162] и Бартольд [39]). Показательным является употребление много столетий спустя топонима Дешт-и Кыпчак и перенесение его на Крымское ханство [40], а названия Кыпчак — на Золотую Орду [22, с. 550; 38, с. 53]. Использование топонима Дешт-и Кыпчак у арабских авторов аналогично употреблению более раннего Дешт-и Хазар (тождественное по территории) [3]. Впрочем, с 80-х годов XIV в. начинает употребляться топоним Дешт без этнонима, превратившегося в анахронизм [10, т. 2, с. 151, 173, 178, 187, 193, 198 и сл.] подобно тому, как итальянские названия Хазария, Кумания для Северного Причерноморья сохранялись до XVII в. Географ А. Теве отмечает в 1575 г. город Команию на берегу Азовского моря [41]. Но все это не дает основания считать, что там еще проживали хазары или половцы.

Сложная этнонимия Причерноморья требует индивидуализированного подхода к источникам. Романтические попытки сохранить несуществующих половцев в XIV в. не соответствуют этнолингвистической ситуации, а стремление употреблять анахронические этнонимы в связи с тем, что они, мол, упоминались в источниках, иллюстрирует положение, когда исследователь идет на поводу источника. Можно привести ряд примеров явно неправильного употребления этнонимов куманы, кыпчаки, татары как в западных, так и восточных источниках XIV—XVI вв. [42, 43, 44]. Так или иначе, нет данных о том, что половцы сохранялись в Южном Крыму тогда, когда создавался СС.

По мнению некоторых исследователей, зафиксированные у многих тюркских народов генонимы Кыпчак, Коман свидетельствуют о сохранении половцев и половецкого языка в послемонгольском Причерноморье. Микроэтнонимы, происходящие от имени Кыпчак, встречаются на территории от Добруджи до Алтая. Род Кыпчак является одним из четырех главных кланов Крымского ханства [45], с ним связаны многочисленные ойконимы [46]. Род Коман имеется среди крымских караимов [47]. Топонимы с элементом Кыпчак существовали в Буджаке [48]. Род Кыпчак известен у ногайцев [49] и алтайцев [50]; поколение Кыпчак — в Среднем казахском жузе [51]; племя кыпчаков — у башкир [52] и так называемых кочевых узбеков (фактически казахов) [53]; племя и род кыпчак — у киргизов [54]. Племя кыпчаков в узбеков обладает развитым кыпчакским этническим сознанием [55]. Перечисление можно продолжить.

страдали в плену у крымских половцев [35]. Да и в русском «Толковании языка половецкого» (XVI в.) объяснялось, что «полов'чане, рек'ше татарове» [36].

[3] Попытка В. Ромаскевича и С. Волина увидеть в Дешт-и Хазар название только с еверокавказских степей [10, т. 2, с. 294] не выдерживает критики.

В отношении родов и племен выдвигались гипотезы о половецком происхождении [56] и даже, что более проблематично, о половецком генезисе их языков.

На данной стадии исследований, когда механизм и время возникновения родоплеменных названий неясны, а этнолингвистический аспект слабо разработан, делать выводы трудно. Невозможно считать появление всех гено- и этнонимов следствием хаотической миграции половцев. Отантропонимическое происхождение названий большинства родов (от «первооснователя») свидетельствует о случайном возникновении генонимов и не может убедительно доказать половецкое происхождение основателя (один из Чингизидов-монголов, например, носил имя Кыпчак — ср. Рашид ад-Дин о событиях 1266—1268 гг. в бассейне Сыр-Дарьи [10, т. 2, с. 76—77]) рода, племени, их языка. При интерпретации этнонимов нельзя оставлять в стороне и тот факт, что в арабо- и персоязычной литературе понятие кыпчак иногда отождествлялось с понятием тюрок и, в таком случае, определенно лишено узко половецкого содержания. Частую повторяемость названия кыпчак невозможно рассматривать изолированно от итеративности десятков других родоплеменных названий, в отношении которых не делаются далеко идущие этногенетические и лингвистические выводы, хотя механизм возникновения названий сходен. Наличие рода Кыпчак в Крыму не указывает на то, что его представители пользовались половецким языком, отличавшимся от языка окружающего татарского населения. Какие бы специфические (архаические?) черты ни были выявлены в племенных диалектах кыпчаков, входящих в состав различных народов, вряд ли можно утверждать, что это — реликты половецкого, практически неизвестного языка.

Источники XIII—XIV вв. сохранили сведения не только о распространенной тогда этнонимии, но также о этнолингвистической ситуации региона. Правильная интерпретация сведений в свете изложенного (что половцы в основном были истреблены и мигрировали; что господствующие позиции заняли монголо-татары; что этноним половцы = команы = кыпчаки, лишенный первоначального содержания и перенесенный на тюркоязычных кочевников, подвергался анахронизации и превратился в топоним; что тюркизирующийся сплав монголов и тюрок становится известным как татары) поможет разобраться в языковой ситуации.

Рассматривая упоминания источников XIII—XIV вв. о команском и татарском, нужно иметь в виду мнение Б. Шпулера: «В связи с параллельным [употреблением] монгольского и тюркского языков трудно понять сведения некоторых авторов, сообщающих об употреблении „татарского“ языка. До тех пор, пока не слились языки обоих народов, из которых вышли позже „татары“, так в целом называемые русскими (и говорящие сегодня тюркскими диалектами), можно под этим [„татарским“] понимать также монгольский. В XIII в. так, кажется, иногда бывало. Сообщения XIV в. об употреблении „татарского“ относятся, по-видимому, исключительно к тюркскому» [57, с. 289—290]. К примеру, рассмотрим употребление термина «команский» язык у Карпини и Рубрука. Описывая поход 1221 г. на Хорезм, Карпини пишет, что это «земля бисермининов, ибо они были сарацины, но говорили по-команski» [58, с. 46]. Сообщение расшифровывается нами следующим образом: земля хорезмийцев, ибо они были мусульманами, но говорили по-кыпчакски (в понимании слова как названия языковой группы). Ошибочно отождествляя название языка команский = половецкий, Н. Шастина неправильно идентифицировала события, посчитав, что имеется в виду поход на по-

ловцев [58, с. 209]. У Карпини имеется аналогичное место о «бисерминах», которые «говорили и доселе еще говорят команским языком, а закона держатся сарацинского» ([58, с. 72]; правильно объяснение Шастиной [58, с. 218]),— в них легко узнаются тюркоязычные хорезмийцы. Рубрук (1255 г.) высказал любопытную мысль, что у «югуров заключается источник и корень турецкого и команского наречия» [5, с. 131], т. е. у уйгуров заключается источник и корень огузского и кыпчакского наречий (А. Григорьев [59] неправильно комментирует, что имеются в виду тюркский и половецкий языки). В некоторых западноевропейских источниках XIII в. правильно указывалась разница между западными и южными тюркскими языками. Команский в них — язык тюрок евразийских степей, т. е. кыпчакский, по современному групповому названию. В XIV в. наряду с анахроническим «команским» языком, обозначающим по-прежнему тюркские языки степей (Пасхалис пишет в 1338 г. об изучении «команского языка и уйгурского письма» [60]; Ф. Бальдуччи-Пеголотти в середине XIV в.— о переводчиках, знающих «куманский» [61], что нельзя комментировать как знание половецкого [62]), начинает употребляться автохтонный термин «татарский» — уже не монгольский, а тюркский, кыпчакский (по групповому названию). Лучший пример дуализма — сам СС, язык которого по латыни определяется как «команский» [63, с. 1 v°, 70 v°], а по-тюркски как *tatarče*, *tatar til* [63, с. 122 v°, 162 r°]. Подобным образом архаизировался лингвоним в русской литературе XVI в. В упоминаемом «Толковании языка половецкого», по Ф. Коршу, слова «не половецкие, а татарские, именно, судя по сумме признаков, крымские» [64].

Сложная, не сводимая к единому знаменателю этно- и лингвонимия источников, вызывающая представление, что половцы сохранились в послемонгольском Причерноморье, привела к поискам определений для языка СС. Фетишизирующее влияние искусственного названия Codex Cumanicus сказалось на дефиниции. Большинство исследователей пренебрегло самоназванием СС, применяя термины «команский» или, что усугубляет положение, «половецкий» (последовательно это делали А. Самойлович [65], А. Крымский [66]). Носителями языка считались половцы. Имеются попытки эклектической трактовки вопроса. К.-Г. Менгес, перечисляя языки северо-западной группы в среднетюркский период, открывает группу названиями: «команский, язык СС и команов (или половцев) и кыпчаков» [67], не уточняя, имеет ли он в виду один или несколько языков. Появились гибридные образования, например, у К. М. Мусаева «половецко-куманский язык», СС у него одновременно и памятник «старокыпчакского» [18, с. 10, 15]. Перечень комбинаций можно продолжить. В большинстве случаев этнолингвистическая дефиниция терминов не дается. Второе направление — употребление термина «язык СС» вне связи с определенным этносом. Аморфность термина — свидетельство того, что применяющие его не считают обоснованным употребление названий половецкий = команский = кыпчакский для языка СС, но не предлагают свою атрибуцию. Забылись скептические высказывания исследователей прошлого — Ф. Бруна, писавшего о СС: «Еще не доказано, что эти слова принадлежат к „тюркскому“ наречию команов или половцев» [68]; А. Куника, что «так называемое Vocabularium comanicum, собственно, следовало бы называть „nogaicum“ или „tataricum“, так как во время его составления в Северном Черноморье уже не было более команов или половцев» [69]; или суждения современных ученых — Б. Шпулера, что западнотюркский язык «также позже в разное время называли „ку-

манским", хотя большинство настоящих куманов вытеснили в Венгрию» [57, с. 289]; Г.-В. Хауссига, что язык СС «это уже не язык того восточного тюркского племени, основной центр которого находился на Дону и Донце и племенная организация которого давно растворилась» [70, с. 8]. Только в последние годы укрепляется мнение, что при классификации языка СС надо исходить из автохтонного названия (А. фон Габен: «Мы могли бы просто присоединиться к самоназванию СС и определить его язык как „татарский", т. е. „старотатарский"» [4, с. 48]). Гордиев узел разрублен недавно А. Кононовым, определившим, что СС является старейшим памятником крымскотатарского [71]. Правильность вывода в свете новой датировки ССІ (1330 г.) не подлежит сомнению. Невозможно пользоваться лишенным этнического содержания названием «язык СС», игнорируя самоназвание языка и этнос носителей. Этнолингвистическая ситуация Южного Крыма 20—30-х годов XIV в. достаточно ясна для того, чтобы установить название и место языка.

Еще одно обстоятельство мешало определению языка СС как этнического — восприятие его как надэтнической lingua franca (далее — LF), имевшей распространение от Карпат до Желтого моря. Закреплению такой функции за языком СС (особенно ССІ) способствовало его итальянское оформление, а также наличие многочисленных заимствований, преимущественно связанных с коммерцией. Убеждение, что в СС записан язык не конкретного этноса, а евразийский воланюк, встречается вплоть до последнего времени [70, с. 8]. Мы высказывались по поводу того, что мнение о «коммерческом» назначении ССІ [2, с. 77—78] основано на недоразумении. ССІ охватывает более обширное поле деятельности, чем торговля; латинские дезидераты (для которых требовалось подобрать иранские и тюркские эквиваленты) не относятся исключительно к коммерции, а требовать от купца или его переводчика, чтобы он выучил 2500—3000 слов,— чересчур большая роскошь. Мы согласны с Л. Лигети, что ССІ — это книга переводчика [72], но, по нашему мнению, переводчика, не ограничивающего свою активность дипломатическими полномочиями, а занимающегося ежедневной деятельностью в итальянских поселениях Крыма.

Особенности лексического состава СС позволяют утверждать, что тюркский язык СС не является LF. Наличие иранизмов, арабизмов, романизмов — и отсутствие заимствований, связанных со Средней Азией, указывают на регион, в котором мог употребляться язык подобного типа. Вряд ли эллинизмы, славянизмы, романизмы были понятны в Центральной Азии. Незначительный процент монголизмов говорит в пользу периферийности (по отношению к Монголии) языка. Сравнение с западнокараимским (также возникшим в Крыму, самым близким к языку СС) показывает сходный состав заимствований [73—75]. Вторая особенность — это наличие диалектной структуры (прослеживаются следы двух, если не трех диалектов [76; 4, с. 46—47; 77, 78]), что несовместимо с наддиалектной LF. По-видимому, язык СС — самая ранняя стадия в развитии крымскотатарского, отражающая диалекты, распространенные в городах и хинтерланде Южного Крыма.

Какое место занимает СС среди литературных языков и какова его дальнейшая судьба? Длительное время было принято рассматривать СС как памятник разговорного, но не литературного языка. В письменности европейских тюрок почетное место заняла руника (впрочем, скудная), не только эпиграфическая, но и дипломатическая ([79]; см. обзор [80]); с нею связывают возникновение литературы. Следующим этапом считает-

ся уйгурографическая письменность, на смену которой пришла арабографическая. Как на курьез смотрят на тюркскую кириллическую эпиграфику (полоцкая надпись XIV—XV вв. [81], киевское граффито XI в. [82]) и лексикографию [83, с. 641—654]. Убеждение, что духовная культура европейских тюрок рано и окончательно была связана с исламом (в действительности, значительная часть кочевников еще в середине XV в. являлась язычниками [84]), отвергало саму мысль о существовании тюркской христианской литературы. Вопрос о ССП как о памятнике литературы был недавно поставлен фон Габен [85]. Сравнение с другими памятниками конца XIII—XIV вв. приводит к интересным выводам. В отличие от литературы на книжном языке (смешанном, как и язык ярлыков конца XIV в.), анализ и определение которого создают столько препятствий, фольклорные записи, молитвы и гимны ССП — это памятники гомогенного разговорного языка, возведенного в ранг литературного. Если литературный тюркй возник как средство надэтнического общения на базисе нескольких родственных, но не идентичных языков, то ССП — это единственное письменное проявление моноэтнического языка. Миссионерская деятельность среди тюрок Крыма, Поволжья, Северного Кавказа продолжалась 150—250 лет. Проводилась она с привлечением местных языков, на которые переводилась религиозная литература. Подобных текстов было много, а ССП — фрагмент не дошедшего до нас в силу исторических причин большого целого. И. Шильтбергер упоминает, что около 1410 г. на Северном Кавказе он натолкнулся на католическое епископство, священники которого пели гимны и читали (Евангелие?) по-татарски. Он записал начало молитвы Отче наш [86].

Если, за Э. Наджипом [37, с. 3—4, 16], различать в XIV в. четыре литературных языка Золотой Орды и Египта (1) старотуркменский — по предложению Г. Дёрфера староосманский [87], 2) смешанный огузско-кыпчакский *j*-группы, 3) огузско-кыпчакский *z*-группы, также хорезмийско-тюркский [87], 4) кыпчакский), то рассмотрение сочинений на этих языках указывает на существование пропасти между языком СС и литературными языками. Подтверждается вывод фон Габен, что «тексты времен СС менее похожи на него (язык СС.— *Д. Я.*), чем некоторые диалекты современного татарского разговорного языка!» [4, с. 48]. Язык СС, возможно, только частично соотносится с диалектной основой, на которой в XV в. начал формироваться, по А. Боровкову ([88], также [89]), крымскотатарский письменный язык, но положение это обосновать нельзя, так как история крымскотатарского литературного языка XV в.— нетронутая целина.

Тюркология не дала ответа на вопрос о судьбе языка СС. В. Радлов склонялся к мысли, что язык исчез, его носители ассимилированы новыми пришельцами из степи и турками [90], захватившими Южный Крым в 1475 г. По его мнению, язык СС («команский») сохранился и самостоятельно развился у караимов, переселившихся в XV в. в Литву и на Волынь [91]. Исследования последних двух лет вносят коррективу — первая галицкая миграция караимов из Крыма состоялась в середине XIII в. [92], за 80 лет до создания ССІ. Эти мигранты являлись носителями несколько иного языка (что подтверждается различиями между галицким и тракайским диалектами западнокараимского). Вопрос о связях с карачаево-балкарским, кумыкским языками, мишарским диалектом татарского и др. нуждается в уточнении. Одно можно сказать с уверенностью, что язык СС — не половецкий.

А все же что можно сказать о половецком = команском = кыпчак-

ском языке, языке кочевников Причерноморья, господствовавшем здесь с середины XI по 40-е годы XIII вв.? Очень немного. Не подлежит сомнению половецкая этно- и антропонимия, сохранившаяся (не без деформаций) в древнерусских, византийских, латинских и др. источниках. Тюркизмы древнерусского языка домонгольского периода нельзя объявлять команизмами на основании лексем СС, памятника XIV в. (подобную ошибку допустил А. Зайончковский [93], повлиявший на дальнейшую разработку вопроса). «Толкование языка половецкого» (в других редакциях «Се татарский язык»), вопреки заглавию, является памятником эпохи Золотой Орды [83, с. 645]. Несмотря на давно установленные принципы изучения тюркизмов [94], среди славистов до сих пор встречаются курьезные утверждения о возможных связях праславянского языка с команским... [95]. Венгерские куны сохраняли долго осколки своего языка (не только деформированную молитву Отче наш [96, 97]). По заключению И. Мандоки-Конгура, язык кунов далеко не идентичен языку СС [98]. Перспективным является изучение команизмов румынского и венгерского, зависящее от удовлетворительной стратиграфии [99, 100]. Венгерские языковеды склонны относить значительную часть тюркизмов к допаннонскому периоду, вследствие чего выходит, что столетия совместного проживания венгров и кунов не оставили почти никаких следов в их языке [101].

Поиски команизмов в других языках наталкиваются на большие трудности не только из-за неправомерного отождествления языка СС с половецким, но также из-за идентификации половецкого с идеальной моделью кыпчакского (старокыпчакского), выработанного в кабинетных условиях по фонетическим законам тюркских языков. Путаница, вызванная полисемантизмом термина «кыпчакский язык» [1) половецкий, 2) литературный язык Золотой Орды и Египта XIV в., 3) язык из группы кыпчакских языков, 4) идеальный язык со всеми лингвистическими кыпчакскими признаками, 5) диалект в составе других тюркских языков], очень мешает выработке точных определений в соответствии с требованиями научного языка.

Строго говоря, мы не можем определить, насколько половецкий являлся действительно кыпчакским (с точки зрения групповых признаков). Печенежский, торкский — языки этносов, очутившихся на Южной Украине ранее половцев,— считаются огузскими, а язык сразу же после них мигрировавших половцев — идеально кыпчакским (по групповому названию). Но ведь известно, что даже во времена Махмуда Кашгарского (расцвет половцев) о чисто кыпчакском языке не могло быть и речи [102].

Итак, на вопрос о том, действительно ли язык Codex Cumanicus'a — это язык куманский=половецкий=кыпчакский, мы должны ответить отрицательно. С точки зрения современных знаний о возникновении СС, о близости тюркских языков северо-западной группы между собой на различных уровнях правомерно мог бы стоять вопрос о наличии половецких=команских=кыпчакских элементов в языке СС, но для решения подобной проблемы пока нет реальной лингвистической основы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дашкевич Я. Р.* Codex Cumanicus — вопросы декодирования // ВЯ. 1986. № 5. С. 84.
2. *Дашкевич Я. Р.* Codex Cumanicus — вопросы возникновения // ВЯ. 1985. № 4.
3. *Drimba V.* Sur la datation de la première partie du Codex Cumanicus // Oriens. 1985. V. 27—28.

4. *Gabain A. von.* Die Sprache des Codex Cumanicus// Philologiae Turcicae fundamenta. T. 1. Aquis Mattiacis, 1959.
5. *Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны // *Плано Карпини Дж. дель.* История монгалов. *Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны. М., 1957.
6. *Dachkévytch Ya. R.* Who are Armeno-Kipchaks? // Revue des études arméniennes. N. S. 1982. T. 16.
7. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.— Л., 1952.
8. *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. 1. Paris — La Haye, 1973.
9. *Martin da Canal.* La Chronique des Veniciens // Archivio storico italiano. 1845. T. 8. P. 654.
10. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884; Т. 2. М.— Л., 1941.
11. *Gwagnin A.* Kronika Sarmacycy europskiey. Ks. 3. Kraków, 1611. S. 30.
12. *Roesler R.* Über das Kumanische // *Roesler R.* Romänische Studien. Leipzig, 1871. S. 331.
13. *Blau O.* Über Volkstum und Sprache der Kumanen // ZDMG. 1876. Bd. 29. S. 567.
14. *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen // Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philos.-hist. Klasse. N. F. 1914. Bd. 13. Nr. 1.
15. *Pelliot P.* À propos des Comans // JA. 11-e sér. 1920. T. 15. № 2.
16. *Малов С. Е.* [Выступление] // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. Т. 30. Вып. 2. Протоколы. Казань, 1919. С. 8.
17. *Поляк А. Н.* Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы [Т. 1.]. М., 1964.
18. *Мусаев К. М.* Лексика тюркских памятников в сравнительном освещении (западнокыпчакская группа). М., 1975.
19. *Плетнева С. А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 299.
20. *Добролюбский А. О.* Этнический состав кочевого населения северо-западного Причерноморья в золотоордынское время // Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 30—32.
21. *Федоров-Давыдов Г. А.* Монгольские завоевания и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 231.
22. *Бартольд В. В.* Кипчаки // *Бартольд В. В.* Соч. Т. 5. М., 1968.
23. *Spuler B.* Geschichte der islamischen Länder. 2. Absch. Die Mongolenzeit. Leiden—Köln, 1953. S. 28.
24. *Dörrie H.* Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolei. Göttingen, 1956. S. 158.
25. *Richard J.* La papauté et les missions d'Orient au Moyen Âge (XIIIe — XVe siècles). Rome, 1977. P. 68.
26. *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. 2. 2-e Aufl. Berlin, 1958.
27. *Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
28. *Бибиков М. В.* К изучению византийской этнонимии // Византийские очерки. М., 1982.
29. *Aalto P., Pekkannen T.* Latin sources on North Eastern Eurasia. P. 1. Wiesbaden, 1975. P. V—VI.
30. *Pritsak O.* The Polovcians and Rus' // Archivum Eurasiae medii aevi. 1982. V. 2. P. 321—335.
31. *Березин И.* Первое нашествие монголов на Россию // ЖМНП. 1853. Ч. 79. № 9. С. 235—240.
32. *Brincken A.-D. v. den.* Die «Nationes Christianorum Orientalium». Köln — Wien, 1973. S. 133—134.
33. *Bezzola G. A.* Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220—1270). Bern — München, 1974.
34. *Botero G.* Relationi universali. Venetia, 1640. P. 97.
35. Краткий указатель Музея имп. Одесского об-ва истории и древностей. 8-е изд. Одесса, 1880. С. 13.
36. *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.— Л., 1963. С. 325.
37. *Наджип Э. Н.* Тюркоязычный памятник XIV в. «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык. Ч. 1. Алма-Ата, 1972.
38. *Jahn K.* Die Frankengeschichte des Rašīd ad-Dīn. Wien, 1977. S. 53.
39. *Бартольд В. В.* Новый труд о половцах // *Бартольд В. В.* Соч. Т. 5. М., 1968. С. 401.

40. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 53.
41. *Thevet A.* Cosmographie universelle. T. 3. P., 1575, carte.
42. Symonis Semeonis Itinararium ab Hibernia ad Terram Sanctam // Scriptores Latini Hiberniae. V. 4. Dublin, 1960. P. 104—106.
43. *Biró M. B.* The «Kipchaks» in the Georgian Martyrdom of David and Constantin // Annales. Sectio linguistica. V. 4. Bp., 1973.
44. Žołovacu. Рукопись 1581—1598 гг. Матенадаран (Ереван). № 2267.
45. *Forbes Manz B.* The Clans of the Crimean Khanate 1466—1532 // Harvard Ukrainian studies. 1978. V. II. № 3. P. 282—307.
46. *Маркевич А. И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический материал // Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии. 1928. Т. 2. С. 27.
47. *Seraja-Szapszał H.* Uzupełnienia i wyjaśnienia // Myśl Karaimska. 1931. T. 2. Zesz. 3—4. S. 7.
48. *Дрон И. В.* Некоторые вопросы гагаузской топонимии Молдавской ССР // СТ. 1983. № 5. С. 39.
49. *Баскаков Н. А.* Ногайский язык и его диалекты. М.— Л., 1940. С. 133—139.
50. *Потапов Л. И.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 23—24.
51. *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3. СПб., 1832. С. 8—9.
52. *Миржанова С. Ф.* О языке башкир племени «кыпчак» // СТ. 1979. № 4.
53. *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982. С. 12—13, 15, 24, 36.
54. *Винников Я. Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М., 1956. С. 138.
55. *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кыпчакского компонента). Ташкент, 1974. С. 402.
56. *Вилькинс А. М.* [Письмо] // Изв. имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1878. Т. 31. С. 13.
57. *Spuler B.* Die Goldene Horde. 2-e Aufl. Wiesbaden, 1965.
58. *Плано Карпини Дж.дель.* История монгалов // *Плано Карпини Дж.дель.* История монгалов. *Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны. М., 1957.
59. *Григорьев А. П.* Официальный язык Золотой Орды XIII—XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 81.
60. *Paschalis de Victoria.* Epistola // Sinnica Franciscana. V. 1. Quaracchi, 1929. P. 504.
61. *Balducci Pegolotti F.* La pratica della mercatura. Cambridge (Mass.), 1936. P. 21—22.
62. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 206.
63. *Grønbech K.* Codex Cumanicus. København, 1936.
64. *Симони П. К.* Памятник старинной русской лексикографии по рукописям XV—XVII ст. // ИОРЯС. 1908. Т. 13. Кн. 1. С. 189.
65. *Самойлович А. Н.* К истории и критике Codex Cumanicus // Докл. Российской Академии наук. Сер. В. 1924. Апрель—июнь.
66. *Кримський А. Ю.* Тюрки, їх мови та літератури // *Кримський А. Ю.* Твори. Т. 4. Київ, 1974. С. 517.
67. *Menges K. H.* Classification of the Turkic Languages // Philologiae Turcicae fundamenta. T. 1. Aquis Mattiacis, 1959. P. 6.
68. *Брун Ф.* Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России // Зап. имп. Академии наук. 1874. Т. 24. С. 39.
69. *Куник А.* Начались ли русские торговые сношения и походы по Черному и Каспийскому морям во времена Мухаммеда или при Рюрике? // *Дорн Б.* Каспий. СПб., 1875. С. 387.
70. *Haussig H.-W.* Geleitwort // *Drüll D.* Der Codex Cumanicus. Stuttgart, 1980.
71. *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. 2-е изд. Л., 1982. С. 250.
72. *Ligeti L.* Prolegomena to the Codex Cumanicus // Acta Orientalia Hung. 1981. T. 35. Fasc. 1. P. 124, 136, 212.
73. *Poppe N.* Die mongolischen Lehnwörter im Komanischen // J. Németh Armagani. Ankara, 1962.
74. *Zajączkowski W.* Die arabischen und neupersischen Lehnwörter im Karaimischen // Folia Orientalia. 1961. T. 3. Fasc. 1—2.

75. *Zajączkowski W.* Die mongolischen Elemente in der Karaimischen Sprache // Folia Orientalia. 1959. T. 1. Fasc. 2.
76. *Kowalski T.* Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Kraków, 1929.
77. *Севортян Э. В.* От редактора // *Грунин Т. И.* Документы на половецком языке XVI в. М., 1967. С. 46.
78. *Корш Ф. Е.* По поводу второй статьи проф. М. П. Мелиоранского // ИОРЯС. 1906. Т. 11. Кн. 1. С. 263—264.
79. *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew documents of the tenth century. Ithaca—London, 1982. P. 41—43.
80. *Tryjarski E.* Die runenartigen Schriften Südosteuropas // Runen, Tamgas und Graffiti aus Asien und Osteuropa. Wiesbaden, 1985.
81. *Рыбаков Б. А.* Татарская кириллическая надпись из Полоцка // СА. 1963. № 4.
82. *Pritsak O.* An eleventh-century Turkic bilingual (Turco-Slavic) graffito from the St. Sophia Cathedral in Kiev // Harvard Ukrainian studies. June, 1982. V.VI. № 2.
83. *Pritsak O.* Се татарскы языкъ // Orbis scriptus. Festschrift für D. Tschižewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S. 641—654.
84. *Дашкевич Я. Р., Трыярски Э.* Каменные бабы причерноморских степей. Коллекция из Асканий-Нова. Вроцлав — Варшава — Краков — Гданьск — Лодзь, 1982. С. 112—113.
85. *Gabain A. von.* Komanische Literatur // Philologiae Turcicae fundamenta. T. 2. Aquis Mattiacis, 1964.
86. *Schiltberger H.* Reisebuch. Tübingen, 1885. S. 38.
87. *Doerfer G.* // Orientalistische Literaturzeitung. 1980. Nr. 4. S. 376. Rec.: *Наджип Э. П.* Тюркоязычный памятник XIV в. «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык. Ч. 1—2. Алма-Ата, 1972—1975.
88. *Боровков А. К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963. С. 21.
89. *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С. 102.
90. *Radloff W.* Vorläufiger Bericht über eine wissenschaftliche Reise in die Krym im Jahre 1886 // Bulletin de l'Académie imp. des Sciences de St.-Pétersbourg. 1887. T. 31. № 4. S. 547—548.
91. *Radloff W.* Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus // Mémoires de l'Académie imp. des Sciences de St.-Pétersbourg. 7e sér. 1887. T. 35. № 6. S. 6.
92. *Dachkévytch Ya. R.* L'époque de Danylo Romanovyč (milieu du XIIIe) siècle d'après une source karaïte // Harvard Ukrainian studies. 1978. V. II. № 3.
93. *Zajączkowski A.* Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949.
94. *Kowalski T.* W sprawie metodologii badań zapożyczeń tureckich w językach tureckich // Sborňik prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze. 1929. Sv. 2. Praha, 1932. S. 554—556.
95. *Русанівський В. М.* Семантичні процеси розвитку української лексики // Історія української мови. Лексика, фразеологія. Київ, 1983. С. 703.
96. *Pray G.* Dissertationes historico-criticae in annales veteres Hunnorum, Avarorum et Hungarorum. Vindobonae, 1774. P. 113—114.
97. *Kuun G.* Prolegomena // *Kuun G.* Codex Cumanicus. Budapestini, 1880. P. XLIII — XLV.
98. *Mándoky Kongur I.* A kun nyelv magyarországi emlékei. Bp., 1982 (машинопись диссертации).
99. *Wendt H. F.* Die türkischen Elemente im Rumänischen. Berlin, 1960.
100. *Tietze A.* // Oriens, 1962. V. 15, S. 463—465. Rec.: *Wendt H. F.* Die türkischen Elemente in Rumänischen. Berlin, 1960.
101. *Halasi-Kun T.* Kipchak philology and the Turkic loanwords in Hungarian. 1 // Archivum Eurasiae medii aevi. 1975. T. 1.
102. *Maḥmūd al-Kašγarī.* Compendium of the Turkic dialects (Dīwān Luγāt at-Turk). Ed. by Dankoff R., Kelly J. P. 1. Cambridge (Mass.), 1982. P. 83—86.